

ского положения возможно только через возрождение недавно сознательно удушаемого частного торгового аппарата, а, следовательно, и через возвращение к вольным ценам.

Список использованной литературы и источников

1. Алтайский крестьянин (Барнаул). — 1916. — № 48–49.
2. ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 1.
3. ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 6. Д. 144.
4. ГАРФ. Ф. 3809. Оп. 1. Д. 37.
5. ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 46.
6. Иоффе А. Е. Хлебные поставки во Францию в 1916–1917 гг. / А. Е. Иоффе // Исторические записки: сб. статей. — 1949. — Т. 29. — С. 65–79.
7. Китанина Т. М. Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 гг.) / Т. М. Китанина. — Л. : Наука, 1985. — 384 с.
8. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции / Н. Д. Кондратьев. — М. : Наука, 1991. — 487 с.
9. Омский телеграф (Омск). — 1917.
10. Рынков В. М. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. / В. М. Рынков, В. А. Ильных. — Новосибирск : Сибирское кн. изд-во, 2013. — 244 с.
11. Сельскохозяйственная жизнь (Омск) — 1917. № 7-8.
12. Сибирская жизнь (Томск). — 1917.

Информация об авторе

Рынков Вадим Маркович — старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, доцент, Новосибирский государственный университет, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: vadvet@mail.ru.

Author

Rynkov Vadim Markovitch — Senior Researcher, Institute of History SB RAS, Associate Professor, Novosibirsk State University, 8, Nikolaeva st., Novosibirsk, 630090, e-mail: vadvet@mail.ru.

УДК 94(100)«1914/18»
ББК 63/3(0)532

А.В. ШАЛАК

ИРКУТСКОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (на материалах Иркутского историко-экономического ежегодника)

В статье анализируются публикации по истории Первой мировой войны, опубликованные в Иркутском историко-экономическом ежегоднике. Отмечается роль региональных исследований, имеющих отношения к данной теме. Тематическая направленность материалов освящает деятельность органов государственной власти, условия жизни отдельных слоев населения, тенденции в области хозяйственной жизни, судьбы отдельных людей. Разнообразные данные позволяют в общих чертах представить ту социальную ткань, которая составляет основу отечественной

истории периода Первой мировой войны. Накопленный материал можно использовать в краеведческой работе, патриотическом воспитании.

Ключевые слова: Первая мировая война, мобилизация ресурсов, рынок трудовых ресурсов, социальные проблемы, патриотическая деятельность.

A. V. SHALAK

THE HISTORY OF THE WORLD WAR I ON PAGE OF THE IRKUTSK HISTORY AND ECONOMIC YEARBOOK

The article address to the research of the articles on the World War I published on the Irkutsk History and Economic Yearbook. The role of regional research on the theme is observed. The themes of the published materials illustrate the local government actions, living conditions of some social groups, household tendencies, the individual fates. Various facts let, broadly speaking, show the social basis of the First World War history. Collected materials can be used in area studies and patriotic education.

Keywords: World War I, resource mobilization, labor market, social problems, patriotic activities.

95 лет назад 11 ноября 1918 г. в Компьенском лесу представители Антанты и Германии подписали соглашение о перемирии. Эта дата стала официальным днем окончания Первой мировой войны, в которой принимали участие 36 государств и которая унесло по разным оценкам от 10 до 20 млн жизней. В той войне Россия потеряла убитыми более 2,5 млн своих граждан (солдат и мирных жителей), около 7 млн были ранены или прошли через плен. Хотя эти потери не выглядят столь катастрофично по отношению к удельному весу всего населения, как у других воюющих государств, все же они огромны. Через различного рода мобилизационные мероприятия прошла почти половина населения Российской империи. Как по масштабам, так и последствиям, эта война стала одним из самых значимых событий в истории страны XX в. Однако, историография данного события чрезвычайно бедна, особенно в сопоставлении с историей Великой Отечественной войны. Можно сколько угодно ссылаться на идеологические предпочтения власти советского времени, но и в постсоветский период, когда сняты все ограничения, массового интереса к истории участия России в Первой мировой войне по-прежнему нет.

Сегодня чрезвычайно важны региональные исследования разнообразных социально-экономических аспектов, имеющих отношения к данной теме. Отталкиваясь от малого, обобщая и суммируя различные данные можно узреть в общих чертах ту социальную ткань, которая и составляют основу отечественной истории периода Первой мировой войны.

Историко-экономические чтения — ежегодная научная конференция, которая проходит в стенах Байкальского государственного университета,

начиная с 1999 г. За это время на страницах «Иркутского историко-экономического ежегодника» опубликовано около тысячи материалов различной тематической направленности. Однако и на страницах регионального сборника статьи совсем небольшого круга авторов имеют прямое отношение к истории Первой мировой, либо отчасти рассматривают влияние войны на социально-экономические процессы в регионе. Иркутское Генерал-губернаторство на то время включало в себя Иркутскую и Енисейскую губернии, а также Якутскую и Забайкальскую области. Поэтому материалы Ежегодника имеют отношение не только к Иркутской губернии, но и другим административно-территориальным единицам Генерал-губернаторства.

В годы Первой мировой войны местным органам власти пришлось концентрировать усилия на решении ряда проблем, вызванных внешнеполитическими обстоятельствами. Мобилизация усилий и ресурсов страны на борьбу с Германией ослабляло деятельность властных структур на ряде направлений. Одной из таких проблем стала борьба с китайскими преступниками в пограничных районах. В предвоенный период с помощью пограничной стражи, полиции и прокуратуры, а также используя паспортную систему учета китайцев в пределах России, ситуацию удавалось держать под контролем. Однако с началом войны противодействовать китайским преступникам (хунхузам) стало сложнее. Об этом на страницах Ежегодника пишет В.А. Семенов [12, с. 130–133]. Ссылаясь на материалы Иркутского государственного архива, исследователь отмечает, что активизации деятельности китайских бандитов способствовала и германская разведка. По крайней мере, уже осенью 1914 г. распространялись упорные слухи о нарастании антирусских настроений и концентрации китайских войск на границе с Россией в районе г. Благовещенска. Иркутский генерал-губернатор выступил с инициативой предъявления Китаю официального протеста, однако получил отказ от Министерства иностранных дел. Последнее мотивировало свою позицию тем, что Россия в таком случае признает незащищенность своих границ, а с другой стороны, подобные ноты бесцельны, поскольку правительство КНР бессильно справиться с хунхузами в Маньчжурии. Не хотело министерство напряженных отношений с Китаем еще и по той причине, что ей нужен был надежный тыл на Востоке страны. Судя по приведенным архивным данным, немецкая разведка в Китае активизировалась именно с целью противодействия переброски российских ресурсов на западный фронт по железнодорожной магистрали. Трансконтинентальная железная дорога проходила во многих районах практически параллельно границе на расстоянии, с которого ее можно было расстреливать с артиллерии, не говоря уже о проведении диверсионных актов. Эта проблема будет решена в советский период отечественной истории, когда дорогу по этим участкам отнесли вглубь российской территории, более того, приступили перед войной к строительству Байкало-Амурской магистрали, проходящей намного севернее параллельно Транссибу [14, с. 181–182].

Еще одной целью формирования хунхузских шаек по данным российской разведки, являлось освобождение немецких пленных, которые были размещены в населенных пунктах Приморской области. По агентурным данным, как пишет автор, именно через главарей китайских бандитов устанавливалась связь с пленными немецкими офицерами и должно было осуществляться снабжение их оружием. Одновременно германская разведка пыталась спровоцировать со стороны Китая сосредоточение китайских войск по границе с Россией. Однако, с точки зрения автора статьи, серьезно осложнить отношения Китая с Россией в зоне совместной границы германской разведке не удалось. Дело ограничилось несколькими провокациями. Как явствует из материалов статьи, это стало следствием успешной контрразведывательной деятельности российских спецслужб, усилиями которой немецкая агентура была нейтрализована уже к весне 1915 г.

Еще один важный аспект государственной политики в годы Первой мировой войны рассматривают на примере работы Иркутской таможни А.В. Дружинина и Л.В. Шапова [2, с.114–118]. Иркутская таможня была открыта еще в 1861 г. Иркутск в то время являлся крупнейшим торговым, товарно-распределительным и транзитным пунктом Восточной Сибири. Иностранные товары, привезенные в Сибирь с Дальнего Востока не могли попасть в Западную Сибирь или европейскую Россию, минуя Иркутск.

В годы Первой мировой войны значимость Иркутской таможни резко возросла, поскольку сухопутная граница на Западе оказалась закрытой. Если опираться на данные приведенные в этой публикации, то можно сделать следующие выводы. В предвоенный период основная часть товаров через таможню проходила с Запада. В 1913 г. их поступило на сумму 321 тыс. р., тогда как с Востока всего на 14 тыс. р. т.е. в стоимостном выражении с запада товаров завозилось почти в 13 раз больше. Однако в годы войны ситуация радикально поменялась: завоз товаров с запада сократился по итогам 1916 г. в 14 раз, а с Востока вырос в 176 раз. В итоге в денежном выражении объемы завозимых товаров с востока к началу 1917 г. превышали завоз с запада в 107 раз (2 469 тыс. р. и 24 тыс. р., соответственно).

Реальный объем завозимых товаров был еще большим, поскольку значительная часть товаров провозилась контрабандой. Особенно это касалось спирта, который везли из Маньчжурии и в европейскую часть России и сбывали там по очень высоким ценам. В 1916 г. в конфискационном производстве Иркутской таможни было зарегистрировано 270 случаев задержания контрабандных товаров на 55,2 тыс. р., из них в 188 случаях — спирт и опиум на общую сумму 54,6 тыс. р.

О сложностях в борьбе с контрабандой спирта в регионе в этот период на страницах Ежегодника пишет В.А. Семенов [11, с. 204–210]. Несмотря на усилия власти, заключение соглашения между Россией, Кита-

ем и Монголией, контрабандные поставки спирта с района Маньчжурии в регион продолжались. Причем, как отмечает В.А. Семенов, владели спиртовыми заводами русские, но переписали их на подставные лица французского или японского подданства, т.е. использовались теневые схемы, которые широко распространены в настоящее время. Обращение к правительствам этих стран не имело последствий.

Следует отметить еще один важный аспект, на который обращают в своей публикации А.В. Дружинина и Л.В. Шапова [2, с. 114–118], — завоз заграничных товаров в годы войны в устье Енисея и вывоз этим же путем за границу российских товаров. Многие европейские, западносибирские, забайкальские купцы, имеющие дела, связанные с Иркутском и его таможенной держали здесь своих доверенных лиц: купцов, доверенных торговых фирм, представителей государственных учреждений, имеющих право сношения с таможенной. Потребителями большинства товаров, привозимых через Иркутск был Ленский край и Забайкалье, где было сосредоточено около 40 % покупателей, остальные же потребители находились в непосредственной близости от Иркутска и очень малая часть — на западе от него. Авторы статьи справедливо обращают внимание на то, что данная транспортная коммуникация, получившая развитие в этот период, сохранила свое значение и в послевоенный период.

В досоветский период в экономике региона весьма активно работали иностранные предприниматели. С началом войны в отношении предпринимателей несоюзных государств были введены серьезные ограничения. Политика в отношении предпринимателей иностранных государств на востоке России исследуется в публикации А.И. Коробченко [5, с. 165–168]. В качестве источника им используются документы архива внешней политики Российской империи. Как отмечает автор, большинство средних или мелких предпринимателей Германии были задержаны или успели отъехать из региона (в первый день объявления войны только из Приамурского края выехало около 100 германских подданных). Однако деятельность крупных организаций была затруднена, но не остановлена. 15 ноября 1914 г. была запрещена пересылка и переводы денежных сумм, ценных бумаг, благородных и драгоценных камней «неприятельским подданным и учреждениям, находившимся вне пределов России». В соответствии с положением Совета Министров, свою деятельность они могли закончить до 1 июня 1915 г. При этом их финансовая деятельность ставилась под контроль правительства. Преследование не касалось предпринимателей-славян, являвшихся подданными Германии и Австро-Венгрии, и православных подданных Турции. Со второго полугодия 1915 г. предприятия иностранцев — выходцев из неприятельских стран были ликвидированы, переданы в казну, а затем часть из них проданы частным лицам. Следствием данных мероприятий стало снижение конкуренции и рост цен. Таким образом, как отмечает автор статьи, в годы Первой мировой войны

российские власти национализировали предприятия принадлежавшие этническим немцам, подданным Германии и Австро-Венгрии.

Подобная политика неизбежно затрагивала интересы многих крупных компаний, работающих в регионе. Эту проблему на примере «Лензолото» исследует В.В. Буханцов [1, с. 53–56]. С точки зрения автора, развитие золотопромышленности в регионе сдерживалось резким удорожание машин и оборудования, а также химических материалов. До войны русские добывающие предприятия ориентировались на германских производителей. Теперь внешний рынок сузился, и это не могло не отразиться на ценах. Для проведения технических и технологических изысканий Ленское товарищество в годы войны привлекало видных отечественных и зарубежных специалистов из Англии и США. Между ними нередко возникала полемика. Например, приглашенный товариществом Чарльз Пюрингтон был крупным специалистом в области гидравлики и выступал за работку ряда площадей террасовых россыпей гидравлическим способом. Американский инженер Торн, наоборот, настаивал на драгировании и был в итоге поддержан технической комиссией. Привлеченный петроградский профессор М.П. Рыбалкин предложил новый метод промывки песков и его предложение было принято и внедрено, хотя американский специалист Ч. Пюрингтон опять же настаивал на ином способе. Однако, несмотря на внедряемые технические новшества, восполнить отсутствие необходимого оборудования, поставляемого до этого из Германии, они не могли. В 1917 г. цены на оборудование и машины, применяемые в Лензолото, выросли почти в три раза. Значительно выросли цены и на химические товары. Устранением с русского рынка Германии воспользовались Англия, США и Япония, восполнив товарную брешь. Данная ситуация, отмечает автор, свидетельствовала о насыщенности мирового рынка машинами и оборудованием, и даже потеря такого надежного партнера, как немецкая промышленность, не являлась невосполнимой. Гораздо больше проблем возникло с доставкой грузов на прииски. Подводная война, объявленная Германией, сделала невозможным использование портов северных стран и Финляндии. Архангельск занимался только военными грузами. Мощностей порта Владивостока явно не хватало, Сибирская железная дорога, не могла справиться с огромным количеством грузов. Ситуация еще больше ухудшилась после февраля 1917 г. В целом, Лензолото продолжало оставаться в годы войны участником мирохозяйственных связей, однако Германия потеряла важный рынок для сбыта промышленной продукции в регионе.

Ряд статей Ежегодника посвящен деятельности кооперативов в годы Первой мировой войны. Тема эта является достаточно изученной, в том числе применительно к сибирскому региону. В статье Г.М. Запороженко [4, с. 84–87] анализируется предпринимательская деятельность городских и рабочих потребительских кооперативов Сибири.

Автор обращает внимание на изменение характера деятельности потребительских кооперативов. Это было связано с ростом проблем в обеспечении населения продовольствием и товарами первой необходимости, вызванных размещением войск, прибытием эвакуированных, различного рода мобилизационными мероприятиями. Новым в этих условиях стало стремление потребительских кооперативов организовать собственное производство. Они организовали помол зерна, занимались также колбасным производством, переработкой сахара, обработкой кожи, мыловарением. Причем продукцию, как явствует из приведенных фактов в статье, продавали только через свои лавки и тем кооперативам, которые входили в товарищество. В статье приводятся многие примеры по сибирскому региону о подобной деятельности кооперативов в годы Первой мировой войны. Причем прибыль использовалась кооперативами не на обогащение нескольких людей, а на расширение торговой деятельности и культурно-просветительские нужды.

Также роли кооперации только в развитии пушного промысла посвящена статья С.А. Семиной и М.Д. Кушнаревой [6; 13]. Северо-восточная Сибирь являлась основным поставщиком пушнины на мировой рынок до начала Первой мировой войны. Прибыль, поступающая от продажи мехов за границу, составляла важнейшую доходную статью российского бюджета. При этом меховые аукционы находились под сильным влиянием иностранного капитала, прежде всего германского. С началом военных действий, правительство России издало ряд нормативных актов, препятствовавших экспорту российской пушнины. Экспортировать в нейтральные страны в период военных действий можно было лишь дорогие меха. Для экспорта всех остальных сортов пушнины требовалась подача прошений, которые рассматривались по существу Межведомственным Совещанием при Департаменте Таможенных Сборов. В союзные страны допускался экспорт всех сортов пушнины. М.Д. Кушнарёва, опираясь на данные РГИА, отмечает множество нерешенных проблем, которые возникали при реализации данной схемы [6, с. 127–130]. Иностранные меховщики могли свободно закупать пушнину в России и свободно вывозить за границу. Российские мехоторговцы при данных ограничениях теряли рынки сбыта. Большие трудности возникли в приобретении импортных мехов. Поэтому в годы войны предприниматели стремились найти оптимальные способы и пути ведения своих торговых операций, повышения эффективности ведения пушного промысла, расширения рынков сбыта продукции. Данная ситуация имела прямое отношение к Иркутской губернии.

Пушной промысел издавна являлся традиционным занятием местного населения. К 1913 г. в Иркутской губернии охота являлась главным занятием для 14 тыс. чел. Промысловая деятельность находила поддержку у кооперативных организаций в деле снабжения сырьем и сбытом готовой продукции. Быстрый рост кооперации в Иркутской гу-

бернии был связан с вызванной Первой мировой войной дороговизной. Местная кооперация в области пушных операций была сосредоточена в Иркутском союзе потребительских кооперативов (Ирсоюз), в Иркутском союзе кредитных и ссудо-сберегательных товариществ (Кредитсоюз) и в Ленском союзе кооперативов (Ленсоюз) — все они охватывали территорию Иркутской губернии и часть Вилуйского уезда Якутской области.

В годы войны, как следует из материалов статьи, пушно-меховая кооперация подверглась серьезным структурным изменениям. В октябре 1918 г. в целях рациональной организации закупа и сбыта пушнины Кредитсоюз и Ирсоюз объединились на паритетных началах в Пушное бюро. Позднее к ним присоединились Лензото и Приленсоюз. Скупка пушнины производилась на комиссионных началах с выдачей ссуд. Авансы могли быть денежными и товарными. Комиссионные вознаграждения за сданную пушнину составляли 5 % общей суммы равно как для потребительских обществ, так и для частных лиц. Пушной промысел зависел от снабжения заготовителей охотничьими припасами. До войны порох привозили из Западной Сибири, Читы. В годы же войны и на этих рынках ощущался острый дефицит, что заставляло делать экстренные запросы в Томск, Владивосток, Мариинск и другие населенные пункты.

Сбытовые операции осуществлялись через Владивостокскую контору союза. Отсюда пушнина отправлялась в Америку и Англию. Цены на сибирскую пушнину, как отмечает автор, были достаточно высокими. Всего в 1919 г. Пушное бюро получило от аукционов 366 тыс. дол. На вырученные средства закупалось промышленное и сельскохозяйственное оборудование. Автор статьи отмечает, что по окончании войны на пушно-меховой рынок региона активно выходили и иностранцы. В частности, в сентябре 1919 г. американское общество под названием «Сибирская навигационная и экспортная корпорация» в г. Киренске открыло свое агентство по закупке пушнины. Корпорация имела в Америке свои фабрики и заводы с целью снабжения населения Сибири в обмен на пушнину товарами, сельскохозяйственными орудиями и машинами. Всего в 1919 г. для этих целей ею было закуплено сельхозоборудования на 50 тыс. дол.

Анализ деятельности кооперативного движения в годы Первой мировой войны свидетельствует, что в Иркутской губернии оно было тесно связано с кустарно-промысловой деятельностью. В военных условиях дефицита производственной продукции дополнительные средства на закупку инвентаря и оборудования для ремонтных, кузнечно-слесарных, сельскохозяйственных мастерских можно было получить от продаж пушнины, особенно за рубеж. Помимо этого, на вырученные средства население Сибири обеспечивало себя продуктами сельского хозяйства, быта, посевного материала, инвентарем. Следует отметить, что и в последующие годы пушные операции, которые были сосредоточены в Пушном бюро, явились мощной экономической базой развития охоткооперации Иркутской губернии.

Любая масштабная война приводит к серьезным структурным сдвигам в социальной структуре населения. Массовая мобилизация рабочих, крестьян, представителей других слоев населения неизбежно влияет на потенциал трудовых ресурсов и состояние экономики. Рынку труда в городах Восточной Сибири в годы Первой мировой войны посвящена статья А. В. Неклюдовой [9, с. 197–200]. Автор отмечает, что уход на фронт значительной части мужского трудоспособного населения не мог не сказаться на социально-экономическом положении региона. Повсеместно сокращались посевные площади, уменьшилось поголовье скота, сократилось количество промышленных предприятий, особенно среднего и мелкого размера. Однако некоторые из отраслей благодаря государственным военным заказам были на время реанимированы, а часть из них получила толчок для развития (кожевенная, металлообрабатывающая промышленность). При достаточном финансировании основной проблемой для них стал дефицит квалифицированной рабочей силы. В статье обращается внимание на основные факторы, влияющие на рынок квалифицированной рабочей силы в регионе. Значительная часть мужского населения была мобилизована в армию. Например, только по Забайкальской железной дороге в 1914–1915 гг. было призвано 1260 чел., что составляло около 42 % от общего числа рабочих. При этом резко уменьшился приток рабочей силы в регион из-за Урала. В 1915 г. из Европейской России в Сибирь приехала в 3,5 раза меньше рабочих, чем в 1912 г. Кроме того, в соответствии с политикой трудового протекционизма, запрещалось применение труда иностранных рабочих на государственных предприятиях и регламентировалось его использование в частной промышленности. Одновременно запрещался прием на работу лицам, не имеющим права проживания в данной местности. 2 сентября 1916 г. иркутским генерал-губернатором А. Пильцем было подписано специальное распоряжение по этому поводу.

Какие меры принимались для решения возникших проблем на рынке трудовых ресурсов? В 1915 г. был принят закон о предоставлении отсрочек военнообязанным (на предприятиях, работающих на оборону). 2 июля 1916 г. вышел Указ о принудительной трудовой мобилизации населения национальных меньшинств (отменен 5 мая 1917 г.). В 1914–1915 гг. началось широкое применение на городских промышленных предприятиях труда военнопленных, а также беженцев и контрактованных иностранных рабочих (китайцев, корейцев). Наивысших размеров использования этих контингентов рабочей силы достигло в 1916–1917 гг. Военнопленные на частные предприятия направлялись по заявке владельцев, их охрана обеспечивалась местной полицией, а численность не должна была превышать 15 % от числа работающих. Только на территории Забайкальской области было размещено около 80 тыс. рабочих военнопленных (немцев, венгров, чехов, турок и т.д.). Из них более 32 тыс. в районе Читы, 2,5 тыс. в Нерчинске, а так же в Верхнеудинске и Троицкосавске.

С середины 1915 г. для решения возникших проблем стали создавать на местах бюро труда. В Иркутске за первую неделю после открытия в бюро обратилось 784 человека (523 мужчины и 261 женщина), но смогли трудоустроить только 297 чел., при этом от владельцев предприятий поступило запросов на 1 625 чел. Из этого автор делает вывод, с которым сложно не согласиться: в годы войны наиболее острый дефицит на рынке трудовых ресурсов был только в отношении квалифицированных кадров. Значительная часть квалифицированных кадров была мобилизована в течение первого года войны и, несмотря на принятые меры в последующие годы, эта проблема оставалась актуальной до конца войны.

Значительные изменения в социальной структуре населения были связаны не только с мобилизационными мероприятиями, но и с массовой миграцией населения сразу после начала Первой мировой войны. Об эвакуации населения из прифронтовой полосы, условиях их жизни, реэвакуации в исторической литературе практически нет сведений. На страницах Ежегодника эту тему рассматривает С.Ч. Мантурова на примере Забайкальской области [8, с. 112–115]. Исследователь отмечает, что большое значение для этой категории населения имел Закон об обеспечении нужд беженцев, принятый Государственной Думой 30 августа 1915 г. Законом определялся статус беженца, правовые основы социальной работы с пострадавшими от военных действий, а основная работа в данном направлении возлагалась на МВД и Главноуполномоченных по устройству беженцев.

В Забайкалье беженцы стали впервые прибывать осенью 1915 г. Беженские потоки, как правило, двигались с западных губерний на восток, постепенно оседая в Центральной России, затем в Западной Сибири, и, наконец, попадали в Восточную Сибирь. Забайкалье, таким образом, являлось одним из конечных пунктов их пути. К концу 1915 г. поток беженцев в России неуклонно возрастал и составлял 2 706 309 душ, из них в Сибири осело 78 531 чел., в том числе в Иркутской губернии — 9 052 чел., в Забайкальской области — 2 632 чел.

С точки зрения автора, даже относительно небольшой приток беженцев в Забайкалье являлся тяжелым бременем для местного бюджета. Поднимались цены на квартиры, продукты питания, не оставалось свободных мест для трудоустройства. Беженцы, пробыв в пути более 70 дней, прибывали больными и истощенными, нуждались в экстренной медицинской помощи, тем самым занимали места в имеющихся в крае немногочисленных больницах. Тем не менее в регионе оказывали прибывшим посильную помощь. 22 августа 1915 г. в Чите образовался Забайкальский областной Комитет по обеспечению нужд беженцев, председателем которого стал военный губернатор генерал-лейтенант А.И. Кияшко. При Комитете образовались комиссии — вокзальная, квартирная, вещевая, статистическая, продовольственная, по сбору пожерт-

вований. Аналогичные комитеты создавались в других городах и уездах. Основным направлением их деятельности являлось трудоустройство беженцев. Трудоспособными являлась лишь половина прибывшего контингента беженцев, из них 75 % не имели работы и существовали за счет пайков и благотворительной помощи. 80 % беженцев являлись крестьянами и не могли себе найти работу в городах. В связи с этим, в марте 1916 г. Министерством внутренних принимается решение, согласно которому всех беженцев из крестьян рекомендовалось расселять в сельские местности, где «они могли бы заняться привычным для них сельскохозяйственным трудом». Уклоняющихся от сельхозработ предписывалось наказывать лишением пайка и квартир.

Деятельность по оказанию помощи беженцам продолжалась вплоть до октября 1917 г., т.е. до революционных событий, в корне изменивших политическую ситуацию в стране. В последнем воззвании Читинского городского комитета к беженцам от 30 октября 1917 г. говорилось, что благотворительных средств, собранных Комитетом, недостаточно для содержания беженцев в течение длительного времени, потому они должны отныне рассчитывать только на себя. Оставшиеся средства пошли на поддержку самых нуждающихся категорий беженцев: полных инвалидов, калек, малолетних или нетрудоспособных членов семей солдат, находящихся на войне, одиноких стариков, сирот, вдов с малолетними детьми. На этом, по сути, заканчивается небольшая история поддержки беженцев в крае. В результате последующих политических потрясений положение многих слоев местного населения ничем не отличалось эвакуированных из зоны военных действий.

В годы войны серьезная помощь потребовалась не только эвакуированным, но и мобилизованным инородцам. Об этом идет речь в статье Б.Ц. Жалсановой [3, с. 340–346].

Буряты, как инородческое население, по Уставу об управлении инородцев 1822 г. было освобождено от воинской повинности, однако они не остались в стороне от тягот войны. Участие бурят выражалось в благотворительной деятельности по сбору пожертвований для оказания помощи пострадавшим во время войны. 23 июня 1915 г. был зарегистрирован общебурятский комитет как Общебурятское общество (Забайкальских и Иркутских бурят) по сбору пожертвований на нужды войны. Председателем Правления был единогласно избран Пандито Хамбо лама Даши-Доржо Итигэлов. 30 июля 1915 г. члены Общебурятского комитета направляют рапорт о пожертвовании 5 тыс. р. на нужды войны из своих средств, на что следует телеграмма от Николая II на имя Д.Д. Итигэлова: «Очень тронут и сердечно благодарю бурятский народ за их молитвы, выраженные чувства и пожертвование на нужды войны»

Уже к началу августа 1915 г., как следует из материалов статьи со всего бурятского населения за короткий срок было собрано 86 010 р.

72 к. Собранные средства расходовались на содержание бурятских коек на Кавказе, на помощь семьям призванных на войну низших чинов, содержание бурятского врачебно-питательного отряда, содержание Петроградского Бурятского лазарета и т.д.

Наглядным примером благотворительной деятельности в период Первой мировой войны Общебурятского общества (Забайкальских и Иркутских бурят) по сбору пожертвований на нужды войны является организация и функционирование Петроградского бурятского лазарета. Эта деятельность подробно описывается Б.Ц. Жалсановой. Лазарет был учрежден на пожертвования бурят и размещался в Старой деревне в доме Буддийского храма в Петрограде и полностью находился в ведении и на содержании Общебурятского общества. Только за период с ноября 1915 г. по июль 1916 г. в лазарете на лечении находились 113 воинов: 49 раненых, 7 контуженных, 57 больных. С осени 1916 г. основным контингентом Петроградского бурятского лазарета становятся реквизируемые буряты.

В связи с острой потребностью в рабочих буряты были привлечены к тыловым работам. По данным мобилизационного отдела штаба Иркутского военного округа количество мобилизованных бурят составляло 20878 человек: по Забайкальской области — 11 817 чел. и по Иркутской и Енисейской губерниям 9 061 чел. Из числа принятых на сборных пунктах было отправлено на работу из Забайкальской области — 11 750 чел., из Иркутской и Енисейской губерний — 8 725 чел., всего 20 476 чел.

Часть мобилизованных была отправлена в г. Архангельск, другая — на окопные работы Северо-Западного фронта. Оставшиеся были распределены по разным предприятиям, работавшим на войну. В наиболее сложном положении оказались буряты, распределенные в Архангельск. Плохое питание, жилищные условия, тяжелый физический труд и сырой местный климат привел к массовым заболеваниям, которые нередко заканчивались летальным исходом. Петроградский городской бурятский лазарет был предоставлен исключительно для больных реквизируемых бурят, поступавших через изоляционные пункты Петроградских больниц и лазаретов. Только в случае наличия свободных коек лазарет должен был принимать раненых и больных воинов. Одновременно выделялись средства Архангельскому комитету на устройство больниц, жилищ, обслуживание реквизируемых бурят. 5 мая 1917 г. последовал долгожданный Указ Временного правительства о возвращении на родину сибирских туземцев, в том числе и бурят. Так закончилась недлительная эпопея с попыткой привлечения инородцев на вспомогательные работы в других районах страны. Тамчинский дацан в этот период проявил себя как серьезная духовная сила, способная организовать моральную и материальную помощь раненым воинам и прежде всего реквизируемым бурятам.

Патриотические начинания в годы Первой мировой войны были свойственны самым различным слоям населения. Когда весть о начале войны

достигла Иркутска, а произошло это 20 июля 1914 г., во многих населенных пунктах прошли манифестации с выражением верноподданнических чувств и поддержки деятельности императора. Разнообразные патриотические инициативы жителей столицы Восточной Сибири нашли отражение в летописи города Иркутска, составленной Н.С. Романовым. Эту страницу истории Первой мировой анализирует на страницах Ежегодника Н.М. Лаптев [7, с. 137–139]. Проживало в Иркутске в это время 134 тыс. жителей. Активно откликнулись своими пожертвованиями представители иркутского купечества. Деньги перечислялись в московский биржевой комитет на содержание раненных солдат, но основные средства состоятельные граждане перечисляли через различные отделения банков на военный заем. Всего подписка на военный заем в Иркутске составила 1 млн 5 тыс. р. Одновременно с перечислением средств на военный заем, 11 сентября 1914 г. по инициативе иркутского комитета Красного Креста начался сбор средств на строительство полевого госпиталя. Как отмечает исследователь, активно в сборе средств проявили себя учащиеся гимназий, которые с кружками для сбора денег ходили по общественным местам. Эта форма сбора средств получила название «кружечный сбор». Всего на Иркутский лазарет было собрано более 50 тыс. р. Его медицинский персонал и оборудование были укомплектованы в Иркутске. Госпиталь на 50 коек был развернут в районе боевых действий уже 26 ноября 1914 г. А 30 января 1915 г. на средства иркутян в районе военных действий был открыт еще один полевой госпиталь на 130 мест.

Еще одним направлением патриотической деятельности являлась организация помощи поступающим с фронта раненым. Первые раненые появились в Иркутске в январе 1915 г. Тогда же в городе создается попечительский комитет по размещению раненых и оказанию им помощи и организован сбор средств на их содержание. Иркутское отделение Красного Креста выделило из своего фонда 5 тыс. р. на открытие лазарета на 14 коек при Мариинской общине, а Иркутское отделение Сибирского общества помощи больным и раненым в феврале 1915 г. совместно с Комитетом Союза российских городов открыли несколько больничных приютов, в которых с 15 февраля по 1 сентября лечилось 562 раненых. Средства на содержание раненых собирались и непосредственно горожанами во время одноразовых акций. В частности, 20 февраля в городе был проведен день Солдатского погона, в течение которого в пользу раненых воинов было собрано 8 тыс. р. Для солдат действующей армии иркутяне собирали и вещевые посылки (подарки к Новому году). Так на 2 декабря 1915 г. было собрано 557 ящиков весом 1 707 пудов. Все вещи были отправлены на фронт.

Важным направлением патриотической деятельности иркутян стало создание кооперативных организаций, занимавшиеся закупкой у населения муки, сала, мяса и других продуктов для отправки их на фронт. В Летописи Иркутска отмечается, что наиболее активно работали «Коо-

ператор», «Труженик», «Общество потребителей Забайкальской железной дороги». Однако, как отмечает Николай Михайлович, эта деятельность сдерживалась неразвитостью коммуникаций. Железная дорога не справлялась с перевозками. Даже собранная продукция своевременно не отправлялась на фронт и портилась в местах скопления.

В целом материалы летописи свидетельствуют о разнообразных примерах патриотических инициатив иркутян. Не случайно эта война именовалась тогда Отечественной.

История войны — это не только история подвигов, героических свершений. Это прежде всего повседневная жизнь миллионов людей, напрямую или косвенно втянутых в круговорот ее событий. Эта страница Первой мировой войны, пожалуй, самая неисследованная. Впрочем, пласт мемуарной литературы простых воинов или труженников тыла чрезвычайно мал и по истории Великой Отечественной войны. Тем отраднее прочитать на страницах Ежегодника исследовательскую статью В.А. Пархомова об участии в Первой мировой войне атамана Забайкальского казачьего войска И.Н. Бароцци де Эльс и трех его сыновей. Это одна из немногих публикаций, посвященная возврату исторической памяти об ее участниках. К данной исследовательской теме ныне присоединились члены клуба «Родословие», в котором состоит и автор вышеупомянутой статьи. Восстановление памяти погибших в Первой мировой войне и исторической справедливости в оценке их заслуг автор статьи предлагает начать с изучения корней и судеб близких людей в каждой семье. Историю родословной И.Н. Бароцци де Эльс автор статьи отслеживает в трех поколениях. Прадед атамана, генерал-майор Иван Антонович имел итальянские корни. Он прославился тем, что построил первый в Сибири Николаевский металлургический завод, а затем по приглашению генерал-губернатора служил в Иркутске в Главном управлении Восточной Сибири ревизором железоделательных и солеваренных заводов. Герой статьи В.А. Пархомова Иван Николаевич уже родился в Иркутске 14 июня 1866 г., т.е. был сибиряком в третьем поколении. В Иркутске тогда имелись военная гимназия и юнкерское пехотное училище, в которых и получил образование будущий генерал-майор и атаман Забайкальского казачьего войска.

Должность атамана 3-го военного отдела И.Н. Бароцци де Эльс занял за год до войны. С началом войны связана его деятельность по мобилизации на фронт казаков и лошадей. Всего, отмечает автор статьи к 1 августа 1917 г. было призвано 18 719 забайкальских казаков. Напряженные будни сказались на его здоровье и в конце марта 1917 г. в возрасте 50 лет Бароцци де Эльс вынужден уйти в отставку. Три сына атамана также были втянуты в водоворот военных событий. Старший сын атамана Виктор был призван в армию, но определен работать на железной дороге. Эта работа засчитывалась как нахождение на военной службе. Средний сын воевал на Западном фронте, за храбрость награжден орденами Св. Анны 3-й и

4-й степени. Погиб в должности командира роты на р. Ясельде. Посмертно награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Описание его подвига за подписью командира полка хранится в Государственном историческом музее, и оно полностью приводится в статье В. А. Пархомова.

Младший сын атамана Всеволод также воевал на Западном фронте. За боевые заслуги он был награжден орденами Св. Анна с мечами и бантом 3-й и 4-й степени и Св. Станислава 3-й и 4-й степени. В годы Гражданской войны он воевал в армии Семенова, а затем эмигрировал в Маньчжурию.

Такой след оставила мужская часть семьи Бароцци де Эля в истории российского государства. А таких судеб, достойных исторической памяти потомков — миллионы.

Таким образом, историко-экономические чтения, проводимые ежегодно в течение 15 лет, накопили определенный материал, имеющий отношение к разнообразным аспектам истории нашего региона периода Первой мировой войны. Тематическая направленность опубликованных материалов позволяет всем, кто интересуется историей родного края, прочувствовать влияние войны на деятельность органов государственной власти, условия жизни отдельных слоев населения, тенденции в области хозяйственной жизни, судьбы отдельных людей. Конечно, это только штрихи истории края периода Первой мировой, огромный пласт материала остается неизученным. Очень узким остается круг историков, исследующих проблемы этих лет. Очевидно, скудность историографии по данной теме на сегодня являются сдерживающим фактором расширения круга исследователей. Однако уже сейчас накопленный материал можно широко использовать в краеведческой работе, патриотическом воспитании, создавать некий информационный фон, который вызовет не только «юбилейный» интерес, но и позволит создать свою историческую школу, пусть и с заметным опозданием, но все же хоть отчасти заполнить сохраняющийся пробел в историографии региона. Только в этом случае мы сможем не просто почтить память погибших воинов в той войне, но и вспомнить многих наших земляков поименно.

Список использованной литературы и источников

1. Буханцов В. В. Лензолото как участник мирохозяйственных связей в годы Первой империалистической войны / В. В. Буханцов. — Иркутский историко-экономический ежегодник: 2003. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2003. — С. 53–56.
2. Дружинина А. В., Шапова Л. В. Деятельность Иркутской таможни в конце XIX — начале XX вв. / А. В. Дружинина, Л. В. Шапова. — Иркутский историко-экономический ежегодник: 2006. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. — С. 114–118.
3. Жалсанова Б. Ц. Деятельность Тамчинского дацана как центра управления буддийского духовенства в годы Первой мировой войны / Б. Ц. Жалсанова. — Иркутский историко-экономический ежегодник: 2012. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012. — С. 340–346.

4. Запороженко Г. М. Предпринимательская деятельность городских и потребительских кооперативов Сибири в годы Первой мировой войны / Г. М. Запороженко. — Иркутский историко-экономический ежегодник: 2009. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. — С. 84–87.
5. Коробченко А. И. Политика Российских властей в отношении предпринимателей враждебных держав на Востоке страны в годы Первой мировой войны / А. И. Коробченко. — Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2010. — С. 165–168.
6. Кушнарева М. Д. Основные тенденции развития российской пушной торговли в годы Первой мировой войны / М. Д. Кушнарева. — Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2011. — С. 127–130.
7. Лаптев Н. М. Патриотизм иркутян в годы первой мировой войны (по материалам летописи города Иркутска) / Н. М. Лаптев. — Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2011. — С. 337–339.
8. Мантурова С. Ч. Социальное призрение беженцев в Забайкалье в годы Первой мировой войны / С. Ч. Мантурова. — Иркутский историко-экономический ежегодник: 2005. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2005. — С. 112–115.
9. Неклюдова А. В. Рынок труда в городах Восточной Сибири в годы Первой мировой войны / А. В. Неклюдова. — Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2010. — С. 197–200.
10. Пархомов В. А. Запоздавшая память о Великой войне / В. А. Пархомов. — Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. — С. 453–261.
11. Семенов В. А. Борьба с контрабандой спиртом в Восточной Сибири / В. А. Семенов. — Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2010. — С. 204–210.
12. Семенов В. А. Материалы Государственного архива Иркутской области о «китайской угрозе» восточным окраинам России в годы Первой мировой войны / В. А. Семенов. — Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2011. — С. 130–133.
13. Семина С. А. Роль кооперации в развитии пушного промысла Иркутской губернии в годы Первой мировой войны / С. А. Семина. — Иркутский историко-экономический ежегодник: 2012. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012. — С. 148–152.
14. Шалак А. В. Что происходит, когда историю пишут вне истории / А. В. Шалак // Историко-экономические исследования. — 2007. — Т. 8, № 1. — С. 171–184.

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Shalak-av@isea.ru.

Author

Shalak Alexander Vasilievich — Doctor of Historical Science, Professor, Head of the Department of Economic and Political Science History, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: Shalak-av@isea.ru.